

Чжэн Цзюнь не успел договорить — его фразу уже во второй раз грубо оборвали на полуслове, и на этот раз раздражение наконец прорвалось наружу: лицо его перекошилось, вены на висках вздулись, и он, стиснув зубы, с силой обрушил кулак вниз, будто хотел расколоть воздух вместе с чужим упрямством.

— Я дождусь, когда ты свой коммуникатор...

Треск — и что-то в комнате с глухим звуком разлетелось, словно попало под удар топора.

И тут же —

Бум! Бум! Бум!

Линь Луси, не меняя выражения лица, но действуя так быстро, что взгляд за ним не поспевал, сделал шаг — и в следующую секунду обе его руки, одна за другой, пошли в движение, оставляя в воздухе несколько размазанных остаточных следов, будто он не размахивал, а вычерчивал по комнате стремительные линии.

«Я тебе дам говорить. Я тебе дам говорить!»

Осколки столешницы, до этого перекрывавшие обзор, разлетелись в стороны — и Чжэн Цзюнь, всё ещё пытаясь открыть рот и протолкнуть в мир свои недосказанные угрозы, вдруг обнаружил, что на него летит уже не один предмет и не два: в воздух поднялось всё, что попадалось под руку — стол, стулья, небольшой холодильник и какие-то мелкие вещи, которые в обычной жизни никто бы не заметил, но сейчас они превращались в снаряды.

— Твою... — выдохнул Чжэн Цзюнь, уже не до красивых слов.

Он резко дёрнул рычаги управления, и человекоподобный мех, послушно откликнувшись, рванулся к окну; стекло разлетелось с визгом, в комнату ударил ледяной поток воздуха, и громадина, ломая раму, вылетела наружу, будто хищник, рвущийся из клетки.

Снаружи уже завывали сирены — их звук стремительно нарастал, превращаясь в вой, который не обещал ничего хорошего. Чжэн Цзюнь понял, что задерживаться больше нельзя, но даже уходя, не удержался от последнего броска — привычка ставить точку словом была у него почти болезненной.

— Линь Луси, я дождусь, когда ты по коммуникатору свя...

«Да заткнись ты уже!»

Линь Луси, не выбирая особенно, схватил первое, что попало, и, вложив в бросок злую,

отчаянную точность, метнул предмет вслед.

Стеклянный бокал — прозрачный, тяжёлый, из тех, что приятно держать в руке, — полетел по дуге быстро, ровно и безошибочно, и в какой-то нелепой, почти комической жестокости судьбы угодил Чжэн Цзюню прямо в рот, намертво заткнув его на середине очередного многозначительного слога.

Внутри Чжэн Цзюнь выругался так, что будь это слышно — стены бы покраснели. Он судорожно, с влажным хлопком «поп», выдрал бокал, едва не выворачивая себе челюсть, но в тот же миг сирены уже были слишком близко: время на разговоры закончилось окончательно.

Перед тем как скрыться, Чжэн Цзюнь всё же бросил быстрый взгляд на Линь Луси — на «голову», за которую, как он сам только что проговорился, кто-то готов был выложить астрономическую сумму. И от этого взгляда его неожиданно пробрало: по спине пробежал холодок, словно он впервые за долгое время почувствовал не власть, а опасность.

Не дожидаясь появления полиции, он дал меху команду — и исчез в ночном воздухе, как крыса, вовремя почуявшая дым.

Спустя каких-то несколько секунд над зияющим проломом окна со свистом пронеслись синеватые полицейские мехи — специальные, с характерной раскраской, с мигалками, режущими темноту. Динамики надрывались, перекатываясь эхом по фасадам:

— Человек впереди, остановитесь! Вы нарушили Закон Союза, статья XXX: незаконное хранение и применение оружия ограниченного доступа! Немедленно прекратите движение и сотрудничайте со следствием!

...

Окно теперь было не окном, а рваной дырой в стене, за которой раскрывалась стометровая — нет, многосотэтажная — пустота. Ветер, холодный и беспощадный, врвался внутрь, выл, рвал занавеси и бил по коже так, будто хотел выскрести из комнаты остатки тепла.

Линь Луси стоял, глядя на этот провал, и внутри у него всё медленно, неприятно остывало: сердце, кажется, ещё бежало, но уже по инерции, а в голове звенела пустота — та самая, что приходит после резкого выброса адреналина.

Юэ Синхэ подошёл к нему так тихо, что Линь Луси не услышал шагов. Лишь в какой-то момент рядом возникло спокойное присутствие — и мягкий жест: Юэ Синхэ поднял руку и, не касаясь, будто невидимой точкой обозначил кончик его носа.

— Здесь у тебя немного пыли, — сказал он.

Ни голос, ни выражение лица не изменились: всё так же тёплая, ровная мягкость, словно только что не было ни меха, ни разрушенной стены, ни попытки шантажа. И именно эта невозмутимая доброжелательность действовала страннее любого успокоительного: беспорядочное, «мухиное» метание мыслей Линь Луси вдруг резко остановилось, словно кто-то нажал на кнопку паузы.

Он выдохнул. Сердце всё ещё сбивалось, билось чуть чаще, чем надо, но паника отступила, оставив после себя другое чувство — не менее тяжёлое, зато более ясное: тревожную необходимость объясниться, пока молчание не стало приговором.

Линь Луси провёл ладонью по лицу — без особой нежности, почти грубо, будто стирал с кожи не пыль, а следы чужого вмешательства, — и, наклонившись ближе, спросил:

— Ещё есть?

Лицо у него было чистое, белое, почти детское — действительно «с ладонь», — но на подбородке оставался тонкий сероватый след. Юэ Синхэ достал салфетку, протянул ему и слегка кивнул:

— Вот тут ещё чуть-чуть.

Руководитель «Синей Мечты» появился лишь спустя время — запоздало, как люди, которые давно научились не бежать на каждый шум: в последние недели, из-за фестиваля соревнований в Университете Союза, потасовки случались регулярно, и персонал привык к тому, что молодёжь, наэлектризованная победами и поражениями, выясняет отношения кулаками.

Но на этот раз всё было иным.

Драка с применением меха — оружия ограниченного доступа — по тяжести воспринималась почти так же, как если бы тысячу лет назад кто-то устроил стрельбу из огнестрела. Это был уже не «инцидент в заведении», а событие, которое обязано было заинтересовать власть.

К счастью, по итогам разбирательства выходило, что Линь Луси и его компания, как и сам клуб, фактически были пострадавшей стороной — и никакой компенсации от них не требовалось.

— Линь Луси, — окликнул его Линь Лэ Инь.

И на этот раз — что было почти невероятно — без привычного взрыва и скандала. Он смотрел на Линь Луси сложным, тяжёлым взглядом, в котором перемешались раздражение, сомнение и неохотное признание.

То, что Линь Луси только что сделал, не мог сделать человек с физическим показателем D. A

значит... значит, он действительно тренировался. Втайне. Упрямо. Стиснув зубы, скрывая это от всех — возможно, чтобы на соревнованиях выстрелить так, чтобы у тех, кто привык считать его пустым местом, отвисла челюсть.

И Линь Лэ Инь, который тоже относился к числу этих «читающих», сейчас ощущал, как собственные слова, сказанные раньше, возвращаются ему пощёчинами — одна за другой.

Он долго молчал, будто пытался выдавить из себя нечто, что не привык произносить. Лицо у него даже покраснело от напряжения, и наконец он, сухо и неуклюже, словно проглотив гордость вместе с дыханием, выговорил:

— Ты... молодец.

Линь Луси почти не услышал. Его мысли упорно возвращались к тому, как повёл себя Юэ Синхэ: к этой невозможной мягкости, к тому, что тот, кажется, ничего «лишнего» не заподозрил.

«Не заметил? — мелькнуло у Линь Луси. — Иначе не был бы таким... тёплым».

Он бессознательно коснулся подбородка, совсем не глядя на Линь Лэ Иня; тот, уловив неловкость момента, отступил в сторону — сказал и ушёл, будто выполнил неприятную, но необходимую обязанность.

Линь Лэ Инь вспомнил ещё и то, о чём говорил Юэ Синхэ раньше; поколебавшись, он так и не решился раскрыть Линь Луси подробности. «Пусть уж я останусь безмянным хорошим человеком», — подумал он с кислой обречённостью, почти сам себя высмеивая.

Было уже поздно, а завтра — новый этап соревнований; никто не хотел продолжать вечер. Они вышли из «Синей Мечты» и направились обратно в кампус.

Дорога прошла в тишине — не той уютной, а той, что появляется после опасности, когда слова кажутся слишком лёгкими и неуместными.

Чжао Фанькун и две девушки из команды украдкой поглядывали на Линь Луси уже по-другому: то, что они сегодня увидели, плохо вязалось с тем, что о нём болтали в сети. Он не выглядел ни «бесполезным», ни «проблемным» — по крайней мере, не так примитивно, как описывали сплетники.

И чем дальше они вспоминали события дневного поединка, тем отчётливее в сознании складывалась новая версия: «случайные» удачи Линь Луси, которые поначалу могли показаться везением, слишком уж ложились одна к одной. Будто он сознательно выстраивал их — аккуратно, хладнокровно — и, возможно, даже ради того, чтобы поддразнить публику, сыграть на ожиданиях зрителей.

Окончательно это можно будет понять на следующем матче.

В общежитии Линь Луси бросил себя на кровать — так, словно на несколько минут хотел перестать быть человеком, которому нужно принимать решения. Он уставился в потолок и позволил мыслям расползаться.

Можно, конечно, ничего не объяснять специально... но любой, у кого есть глаза, заметит, что он и Чжэн Цзюнь знакомы. Сейчас Юэ Синхэ, вероятно, ещё не знает Чжэн Цзюня, но позже узнает обязательно — и тогда, вспомнив сегодняшний вечер, неизбежно задаст вопрос: почему Линь Луси пересёкся с этим человеком так рано?

И подозрение вырастет само собой, как сорняк: «Он уже тогда был в сговоре. Он уже тогда готовил предательство. Он был внутренним человеком Чжэн Цзюня».

От одной этой мысли у Линь Луси буквально начинала болеть голова: будто кто-то сжимал виски. Нужно было придумать способ — аккуратный, убедительный — дать Юэ Синхэ понять, что у него нет и не было дурных намерений.

Было около одиннадцати вечера — прошло больше часа с тех пор, как они вернулись.

Юэ Синхэ уже успел принять душ и теперь сидел в комнате, соединённый по видеосвязи. На световом экране был мужчина с интеллигентными чертами, в серебристой оправе очков; говорил он вежливо, подчёркнуто корректно, но в самой манере слышалась крепкая, уличная «жесткость», не исчезающая даже под слоем воспитанности.

— Доказательства мы почти собрали. Чжэн Цзюнь ушёл, босс. Может, сразу накрыть его штаб?

Это был Цинь Тянь: внешне — образцовый «учёный», внутри — ощущение человека, который при необходимости не моргнув глазом решит вопрос силой.

Юэ Синхэ сидел на диване, подперев щеку рукой, и отвечал холодно, будто речь шла не о живых людях, а о пешках на доске:

— Подожди. Усиль награду. Пусть он продолжает выходить на других.

Цинь Тянь кивнул, отмечая, затем доложил о новостях по найденному источнику энергии:

— Исследования подтвердили: новый энергетический материал действительно влияет на психосилу. Босс, вы, как всегда, всё просчитали заранее.

Он попытался «подмазать» — осторожно, небольшим комплиментом, — но Юэ Синхэ не подхватил тон. Он лениво приподнял веки и, не меняя тембра, произнёс:

— Ты слишком свободен? Может, отправить тебя на звезду A02.

A02 была из тех глухих, бесплодных миров, куда ссылали в наказание — «пустошь, где и птица не сядет».

Цинь Тянь поправил очки и тут же перешёл на сухой деловой режим, продолжая доклад так, будто в мире не существовало ничего, кроме фактов.

Он почти закончил, когда в дверь неожиданно постучали.

Юэ Синхэ поднял руку, делая знак «пауза», и спросил:

— Кто?

С другой стороны двери, сквозь панель, донёлся чистый, ровный голос — спокойный, но слишком осторожный:

— Это я. Ты уже спишь?

Юэ Синхэ на мгновение замолчал и посмотрел на экран. Доклад был завершён, Цинь Тянь уже потянулся отключить связь, но вдруг, почти шёпотом, добавил:

— Босс... может, это всё-таки недоразумение? Может, стоит ещё понаблюдать? Сегодняшнее может быть ошибкой.

Он говорил про Линь Луси — потому что совсем недавно Юэ Синхэ уже отдал распоряжение «настроить сеть» и подготовить ловушку, на случай если тот окажется связан с Чжэн Цзюнем.

Что-то изменилось в лице Юэ Синхэ: словно тень прошла по чертам. Взгляд потемнел, стал тяжёлым и опасным; S-уровень психосилы на мгновение дрогнул, и стоявший рядом стеклянный стакан взорвался тонким звоном — разлетелся осколками, будто не выдержал давления невидимой волны.

— Ты сомневаешься во мне? — тихо спросил Юэ Синхэ.

Цинь Тянь не ожидал такой реакции из-за одной фразы. Даже через экран он ощутил это давление — и невольно вздрогнул от уважительного страха.

— Понял. Сейчас же займусь, — торопливо ответил он и, не задерживаясь ни на миг, отключил связь.

Линь Луси стоял у двери в коридоре и, сам не замечая, как выдает нервозность, переступал с ноги на ногу — левой на правую, правой на левую, будто пытался затоптать собственное беспокойство.

Прошло почти три минуты — настолько долгие, что тревога внутри уже перестала быть «точкой» и превратилась в беспорядочно скачущего зверька, — и только тогда дверь наконец открылась.

Линь Луси опустил голову; первое, что попало ему в поле зрения, были длинные, сильные ноги. Он поднял взгляд выше — и увидел Юэ Синхэ в чёрном банном халате: грудь была открыта наполовину, и от этого образ казался одновременно расслабленным и опасным — как у хищника, который только что вышел из воды.

Несколько секунд они молчали. Линь Луси собрал мысли в кулак и произнёс:

— Слушай... мне нужно кое-что тебе сказать.

Свет в коридоре не горел, и Линь Луси почти целиком утонул в тени Юэ Синхэ; он чуть приподнял голову, и со стороны это могло показаться даже послушностью — хотя внутри у него всё было натянуто, как струна.

Юэ Синхэ слегка развернулся в сторону, освобождая проход. Тонкие веки приподнялись ровно настолько, чтобы скрыть в глубине глаз усталость и скуку, а голос — ленивый, чуть более низкий обычного — прозвучал спокойно:

— Заходи. Поговорим внутри.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17160/1605932>